
ПЕРИМЕТР
АВТОР:МИХАИЛ ЧЕРДАК
НАСТОЯЩАЯ МУЖСКАЯ РАБОТА — ХРАНИТЬ МИР
ЗАЩИТИ БЛИЗКИХ ОТ ЗАРАЗЫ ПЕКЛА.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Михаил Чердак
Периметр

https://litres.ru/74980379
SelfPub; 2026

Аннотация

В этот день никто и представить себе не мог, что происходит на самом деле. Да и скажи это кому из командования — сочли бы сумасшедшим.

Люди, как обычно, поднялись на работу в одном конце планеты или закончили свой трудовой день в другом. Ничего не предвещало беды, по телевизору одним говорили про подлый запад, другим — про злых русских.

И кто бы мог подумать, что ранее непримиримых противников что-то может сплотить в один кулак. Но вот же — сплотило. Твари появились одновременно во многих точках планеты. Первая волна была отбита героическими усилиями защитников.

Двадцать лет назад мировые армии практически полным составом стали первой жертвой из сотен тысяч до того, как были отбиты захваченные территории. Четыре месяца весь мир отбивался от нежданной угрозы, сплотившись и встав плечом к плечу.

Ублюдков задавили. Ликовала вся планета, чествуя героев, живых и награжденных посмертно. Все думали, что это конец, но Это было только начало.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Михаил Чердак
Периметр

Глава

Пролог.

— Чар Полозу, Чар Полозу, что там у вас? Прием.

— Полоз Чару, по району будто ураган прошелся, всё в мусоре, тачки перевернутые, гражданских нет ни одного человека! Все в кровище... Я не понимаю, что здесь творится, прием!

— Понял тебя Чар, мы подняли глаз, щас проясним ситуацию.

— Давай, мы пока заняли позиции в школе по Артамонова, ждем отмашки.

В этот день никто и представить себе не мог, что происходит на самом деле, да и скажи это кому из командования — сочли бы сумасшедшим. Происходящее напоминало сюжет хренового фильма-катастрофы, человечество не было гото-

во к такому повороту событий ни технически, ни психологически. Поверить в такое мог разве что какой-нибудь отбитый на голову уфолог и то — не факт.

— Полоз Чару, Полоз Чару, видим движение! Это что-то... Хуй знает что это, Полоз! Полоз, где птица, твою мать?!

Люди, как обычно, поднимались на работу в одном конце планеты или закоканчивали свой трудовой день в другом. Закупались в магазинах, планировали отпуск или скандалили из-за каких-нибудь разбросанных по квартире носков. Ничего не предвещало беды, по телевизору одним говорили про подлый запад, другим промывали мозги сказками про злых русских. Однако, по большей части люди думали как бы закрыть все счета в этом месяце, накормить семью и не просрочить очередной ипотечный платеж.

— Чар, глаз видит движение, размером метров шесть! Конкретнее определить не возможно, это... Это что-то живое, вижу конечности! Со стороны ТЦ еще один! От площади третий, да сколько их там!

— Контакт! — в эфире прозвучали автоматные очереди, затем их поддержал и пулемет. — Блять, что это за тварь!

— Отходите, Чар! Отходите! Чар!!!

Кто бы мог подумать, что ранее непримиримых противников что-то может сплотить в один кулак? Но вот же — сплотило. Эти твари появились одновременно во многих точках планеты. Живым потоком, выбираясь из-под земли, они пёрли к городам, сметая по пути более мелкие поселения и пожирая все живое, что имело неосторожность попасться им на глаза. Первая волна была отбита героическими усилиями защитников. Однако, отбита ценой десятков миллионов жизней. Обескровленные армии, опустошенные населенные пункты, обрушенная экономика. Все, что ранее казалось важным и значимым улетучилось, а освободившееся место занял единственный настоящий приоритет — выжить.

— Полоз Чару! Группе пизда, нас размотали в мясо две огроменные твари. Все погибли, я... Я укрылся в мусорном ящике. Требую авиаудар по координатам моего маяка.

— Скоро подойдут! К тебе скоро подойдут!

— Вы положите людей! Сюда шлите технику, пехота ляжет, повторяю, пехота ляжет! Дайте уже вертушками, блять!

— Да как... Серега, как?

— Моим передай, что я не... Кх... Не страдал... — в эфи-

ре раздался щелчок затвора и звук одиночного пистолетного выстрела.

Группа Сергея Чарского, позывной Чар, была первой жертвой из сотен тысяч других до того, как были отбиты захваченные территории. Такой слаженности и сплоченности от людей разного цвета и происхождения история не видела, наверное, никогда. Все ликовали и чествовали героев-добровольцев, живых и награженных посмертно, что эшелон за эшелоном отправлялись на защиту своей Родины — планеты Земля. Первыми отбились Китай и Россия. Не останавливаясь на достигнутом, теми странами, что смогли подавить нашествие, были направлены силы для подавления очагов в Германии, Японии, Африке, США, Индии и Австралии. Четыре месяца весь мир отбивался от нажданной угрозы, сплотившись и встав плечом к плечу.

Ублюдков задавили. Ликовала вся планета, забыв о прошлых спорах и распрях. Все думали, что это конец, но... Это было только начало.

Глава 1.

Молодой парень, одетый в серые вытцветшие штаны карго и черный худи с накинутым на голову капюшоном, шагал под мелкой моросью, не обходя лужи, шлёпая потрескавшимися на сгибах берцами по воде. В наушниках играл очеред-

ной бодрый трек, однако слова и смысл проходили мимо. Он был слишком погружен в свои мысли, в задумчивости смотрел лишь под ноги, сжимая в карманах дешевые зажигалки. Поздний августовский вечер не радовал хорошей погодой, а редкие в такое время прохожие, идущие навстречу, будто чувствовали настроение хмурого парня и понимали, что их ждет неминуемое столкновение, потому старались уступить дорогу.

Все шло не так. Всю жизнь все шло не так и вот... Кульминация, твою мать! Перспективы хорошей вакансии рассыпались в прах об административку, полученную еще во времена бурной юности за массовую драку. Тогда он не успел сбежать, хорошенько пропустив по морде и потерявшись, а недолгой заминки хватила, чтобы доблестные сотрудники успели его скрутить и впаять статью. Болеющая мать нуждалась в помощи как финансовой, так и физической — многое по дому сделать она была уже не в состоянии. На носу развод, супруге надоело постоянно таскаться на помощь свекрови, муж перебивается с калыма на подработку, все никак не может найти постоянную и нормально оплачиваемую работу, а тут так удачно появился ее бывший одноклассник, оказавшийся более предпочтительной кандидатурой. Хорошо, хоть детей не успели... На горизонте не мелькает ни одной перспективной новости, настроение падает все ниже, хотя минуту назад казалось, что дальше уже некуда. Хотелось

бы сейчас, как герой из популярного фильма, зайти в бар, взять бокал виски и с мрачным видом залить горе, но... Но в реальной жизни все не так. В реальной жизни ты идешь домой, сжимая в руке последнюю пятихатку, надеясь, что сможешь подобрать в магазине что-то вменяемое на ужин.

Он прошел мимо подростка лет тринадцати, протянувшего ему какой-то листочек, который погруженный в размышления парень взял на автомате, тут же смяв в кулаке и сунув в карман. В такое время раздавать листовки? Хех, видимо не удалось выкинуть добрую половину в ближайшую урну или спалился перед супервайзером за этим занятием. Судя по хмуро сдвинутым бровям подростка, день не задался не только у шлепающего по лужам с очередного калыма парня.

Мимо проплывали билборды и плакаты, за всю жизнь уже набившие оскомину. А если вытащить из уха наушник, то из городских громкоговорителей точно послышится уже зазубренная каждым школьником мантра суровым металлическим голосом:

"Настоящая мужская работа — хранить мир от тварей пекла",

"Дай бой своему страху",

"Защити близких от заразы пекла — подпиши контракт с Родиной".

А на билбордах ниже таких же громких заголовков мелким шрифтом были прописаны баснословные двести пятьдесят тысяч в месяц оклада, боевые, единовременные выплаты и прочие преимущества, открывающиеся для решившегося встать на путь защитника мира. Все это на фоне мужественного человека в боевом экзоскелете, в одной руке сжимающего монструозного вида дробовик, а второй держащего за горло тварь, от одного вида которой мороз бежал по позвоночнику, а в груди пропускало удар.

Морда похожа на сплюснутую и зубастую черепашью, шея и башка расположены неестественно низко, из-за чего сверху будто образуется горб из крупной грудной клетки с толстыми ребрами. Из этого горба растут четырехсуставчатые длинные передние конечности, будто извращенный скульптор покрыл мясом богомольи лапы и окончил безумное творение трехпалыми кистями с острыми длинными когтями, загнутыми внутрь. Гребень широкого позвоночника заканчивается длинным узким хвостом, который явно помогает с балансом мощным задним прыжковым лапам. Узкий таз и талия резко контрастировали с гипертрофированной грудиной. Всё это покрыто бледной зеленой неровной кожей с редкими пятнами жесткой рыжей щетины.

Парня передернуло. А ведь там изображена самая мелкая тварь, едва ли не младенец. И даже с ней справиться чело-

веку без новейших военных разработок очень проблематично. Двадцать лет назад, когда он был совсем маленьким, мир взорвался от сумасшедших новостей, поначалу казавшихся глупой шуткой, масштабным всемирным розыгрышем — откуда-то из-под земли, то ли из пещер, то ли с горных расщелин, в огромных количествах полезли эти твари. Военные силы всего мира едва успели их остановить невероятными усилиями и многомиллионными жертвами. В России ту битву прозвали Уральской мясорубкой, тогда страна потеряла четыре миллиона воинов и ополченцев-добровольцев только убитыми. Это те, кого удалось опознать. Списки пропавших без вести и инвалидов тогда пополнились почти на десять миллионов всего за одну ночь.

А когда удалось купировать нападение, грянула вторая волна. Гигантские братские могилы, превратившиеся сейчас в грандиозные монументы памяти, заполнялись трупами погибших военных и убитых гражданских, в той мясорубке целого тела найти было практически невозможно. Никто не знает, откуда в недрах планеты такое количество ублюдков, быть может они лезут из самой преисподней, однако факт остается фактом — они появились, а мир теперь изменился навсегда, как и жизнь людей.

Через пару месяцев страны оправились от первоначального шока. Сплотились, отбились вместе и от второй волны. А

затем вычислили места, откуда лезут твари. Теперь в войсках появилось самое многочисленное подразделение — Егери. Ценой того времени, что потребовалось для создания этого армейского блока, послужили сотни, тысячи фур-рефрижераторов, до отказа набитые разорванными трупами контрактников, срочников и ополченцев-добровольцев.

В кратчайшие сроки были построены системы Периметров вокруг каждой зоны выхода тварей на поверхность. Темпу строительства позавидовала бы и Пятилетка за три года, ведь спустя всего семь месяцев тварей сдерживали монументальные гигантские сооружения, внутри которых помимо огневых ячеек и артиллерийских точек располагались казармы, склады, оружейные, генераторные и многие другие помещения, необходимые для автономного существования подразделений Егерей и технического персонала. Площадки-балконы для разнокалиберного оружия, артиллерии и разработанных специально под задачи Периметра видов вооружений, направленных внутрь стен, всё было выполнено для того, чтобы сдерживать натиск тварей. А те регулярно живым потоком пытались вырваться за пределы Периметра, чтобы, как в самом начале, рвать и поедать тела мужчин, женщин, детей и стариков, не способных сопротивляться животной силе чудовищ. Залитые бетоном глубокие и широкие рвы, что прорезали пространство на полкилометра внутрь стен. Постоянно обновляемые минные и вы-

соковольтные заграждения, огромное количество различных фортификационных сооружений помогали задержать волну чудовищ, пока их тела разрывали снаряды автоматических пушек, артиллерийских установок, гаубиц и десятков видов вооружения от разряда "массового поражения" до снайперских пар.

Неудивительно, что и экономика до неузнаваемости изменилась вместе с новыми, так сказать, вводными. Заводы по изготовлению вооружения и боеприпасов, старые и новопостроенные, работали круглосуточно, в три смены, лишь бы закрыть потребность защитников. На один из таких заводов как раз и не приняли на работу парня, ссылаясь на то, что он будет отрицательно влиять на дисциплину коллег по цеху. Он злобно сплюнул. Суки. Адекватной работы в городе больше не было, денег на переезд тоже, поэтому приходилось работать где попало, лишь бы сегодня были хоть какие-то деньги, чтобы прокормиться.

Гадский дождь усилился, парень ускорил шаг — не хотелось бы простудиться и слечь на пару недель в самый сезон подсобных работ, при таком раскладе им с матерью, и так живущим едва ли не впроголодь, придется очень худо. Хорошо, что берцы, обильно пропитанные вазелиновым маслом, до сих пор отказываются пропускать воду. Парень зашел в магазин, что недалеко от дома и принялся подбирать

то, что ему по карману. Улыбнулся кассирше Вике, выкладывая на ленту продукты: кочан капусты, полтора килограмма костей, гордо именующиеся суповым набором, полкило крупы и четверть буханки серого хлеба.

— Ты опять в ночи домой возвращаешься? — пробивая товар, с легкой улыбкой спросила Вика, симпатичная девушка среднего роста двадцати лет, с миловидным овалом лица, но не полная. Крепко в теле, так сказать. Длинные волосы и лихо выбритый висок с линией узора татуировки, теряющейся за ухом.

— А куда денешься? — усмехнулся в ответ он. — Ты-то, я смотрю, прям выходные за выходными отдыхаешь.

Они тихо рассмеялись.

— Какие дела-то вообще? — спросил парень.

— Да какие они могут быть, Лёш, потихоньку вроде. Мама как?

— Потихоньку вроде, — в тон девушке ответил Леха и, собрав продукты в пакет, поблагодарил ее, забрал сдачу из нескольких монет и пары мелких купюр. Они еще пару минут поболтали ни о чем, пока не подошел следующий поку-

патель. Лёха направился к выходу, обернулся и подмигнул. — Увидимся еще, не вешай нос.

Магазин находился не очень далеко от дома, дождик утих, что не могло не радовать, но теперь поднялся ветер. Сто процентов ночную грозу надует, блин, не хотелось бы завтра работать под дождем. Хотя может и повезет, найдет что-нибудь в крытом помещении, кто знает. Через пятнадцать минут он уже поднимался на этаж, скрипел ключом в замке и заходил в квартиру.

— Я дома, мам!

— Привет, сыночек. А я уж волноваться начала, ты опять задержался? — раздался негромкий голос из комнаты, а за ним — частое шарканье тапочек.

Матушка вышла из комнаты, придерживаясь за стенку, чмокнула сына и устало оперлась спиной о старый шкаф-купе в тесной прихожей.

— Как день прошел?

— Да как обычно, поработал, значит сейчас поедим, — улыбнулся Леха. — Я быстро, щас кашу сделаю и капусту потушу. Будешь?

— Конечно, — улыбнулась немолодая уже женщина.

Матери было чуть за шестьдесят, но тяжелая жизнь не могла не оставить свои отметины на здоровье женщины. Тут проблемы с сердцем и сосудами перемешивались с быстро садившемся зрением, суставами, из-за боли в которых она не могла долго двигаться — тазобедренные и колени не переставали беспокоить.

Алексей вымыл руки и принялся за готовку.

— А чего не позвонила то, лежала переживала. Я же давал тебе комм, не работает опять? — пожурил он, нарубая капусту соломкой.

— Да все работает, только что деньги-то тратить. Операторы опять же тарифы поменяли, теперь по секундам оплата идет. Совсем уже с ума все посходили, рубль берут за вызов и дальше по тридцать копеек секунда.

— Оху.. Охренеть, не слышал даже. Давно?

— Сына, следи за языком! Да вот только сегодня по приемнику говорили.

Звонилку для матери Леха достал б/у-шную, однако разницы для нее заметно не было. Комм, комик или коммуникатор унифицированный, он на то и унифицированный, что какой ни возьмешь — будет неотличим от нового, разница будет только в количестве царапин и потертостей. Леха слышал, что когда-то была огромная куча производителей смартфонов разных форм, размеров и стоимости, но сейчас это казалось такой глупостью. По сути же функционал один и тот же — позвонить, зайти в чат, полистать новости. Да мать рассказывала, что раньше всё такое было, люди пытались выделиться, кто как мог. Сегодня это даже звучит смешно — что может быть лучше бронированного и водонепроницаемого, почти вечного устройства? Правильно, ничего.

Парень негромко включил небольшой радиоприемник на холодильнике и настроился на канал со сводками. После недолгого шипения помех, из динамика раздался голос:

— А теперь к результатам сегодняшней атаки тварей пекла на линию обороны Периметра. Необычайно высокая активность существ в последние полтора месяца не дает ни недели передышки бойцам подразделения Егерей. И, тем не менее, не жалея себя, герои продолжают сдерживать натиск. Атакующие волны вновь участились, уже втрое за последние шесть месяцев. Сегодня в 5:43 была отбита очередная атака, по предварительным данным, уничтожено не менее полуто-

ра тысяч существ разного класса, однако и со стороны Егерей не обошлось без потерь. Тридцать четыре бойца армии обороны, а также четыреста тринадцать бойцов из групп зачистки Периметра сегодня проводили в последний путь. Общие потери во всех секторах Периметра составляют свыше двух тысяч за время последнего отраже...

Звук оборвался и парень обернулся. Это мама дотянулась до шнура питания и выдернула его из розетки.

— Не могу я слушать эти страсти, сынок, — виновато посмотрела на него женщина, в уголках глаз блестели слезы.

— Ладно. Воткни обратно, включу музыкальный канал.

— ...поминаем, что работа в рядах Егерей — это честь, почет и вечная слава. Не оставайся в стороне — подпиши контракт с Родиной.

Леха сжал помятый жетон, постоянно висящий у него на шее. На нём едва просматривались гравировка "7-45-БрЗч...". Что было выгравировано дальше — не разобрать. Быть воином — жить вечно, да, брат?..

Повертев крутилку приемника, парень поймал музыкальную частоту и покрутил антенну, чтобы звук был чище. Ми-

нут через двадцать они уже сели за стол, с аппетитом поедая кашу на бульоне с тушеной капустой. Удалось даже мяса с костей насобирать, поэтому сегодня был практически барский ужин.

— Ма, может, в деревню, а? Работы все меньше, а там хоть прокормимся огородом, да курей прикупим, мясо будет.

— Так за квартиру-то всего двести пятьдесят предложили. А в деревни развалюхи всякие аж от трех сотен начинаются.

Рынок недвижимости действительно был в агонии в последние годы, да и квартирка их оставляла желать лучшего — старенький ремонт, небольшой метраж, однушка тридцать три квадрата. Мать спала в комнате, а сын — на диване на кухне. Сейчас гораздо больше ценились участки и частные владения — на них можно было выращивать овощи, вести хозяйство и кормить семью, иногда и продавать излишки выращенного на стихийных рынках. Жить и там нелегко, но в городе уже становится вообще невыносимо.

Что уж говорить, сейчас даже этикетки на продуктах в магазинах были чёрно-белые и максимально минималистичные, дабы сэкономить на печати. "Тушенка", "Напиток Энергетический", "Молоко сгущённое". Белая этикетка,

черный стандартный шрифт, времена маркетинговых украшательств, ярких обложек и прочей мишуры быстро канули в лету. Сотни производителей тоже прекратили свое существование, уступив место мастодонтам, что целиком и полностью были в подчинении государства.

— Да руки есть, починю. Зато жрать будет что, у меня в копилку сегодня семьдесят два рубля уйдет всего. Ну смех, а вчера и того полтинник вышел. Сколько мы за пять лет собрали? Двадцать с чем-то тыщ по моему. А это я еще болеть не начал.

— Тьфу на тебя, ты как скажешь тоже.

— Ну а что я такого сказал-то? — чуть возмущенно повысил голос парень. — Работаю по двенадцать-пятнадцать часов за копейки, а силы-то не бесконечные. Надо думать.

— Завтра почта, посмотрю в газете объявления.

— Посмотри. Хоть в сарай какой, а перебираться надо.

В последующий час Леха помыл посуду, собрал остатки еды в маленький холодильник, кинул вареные кости в пакет и положил в морозилку, на второй раз подольше прокипятить и снова бульон будет. Быстро искупался и пошел спать. Зав-

тра очередной трудный день, нужно хоть немного отдохнуть.

Глава 2.

Проснулся, по обыкновению, с четвертого будильника, но все равно очень рано, по старым меркам — на часах горели цифры 06:14. Проспал... Теперь вероятность схватить хорошую подработку гораздо меньше — работяги рано собирались около бывшего цирка, куда приезжали нанимали и отбирали приглянувшихся — самых здоровых и сильных с виду.

Леха никогда не был атлетом, про таких, как он, говорят: "Жила". Сильный, выносливый, но не блистающий телосложением бодибилдера. Да это и к лучшему — попробуй, прокорми гору мышц.

К половине восьмого он уже пришел к месту, где все еще толпились парни, мужики и даже пожилые, еще способные держать в руках молоток. Дождя, на счастье, не было, даже ветер не донимал, Лёха подошел ближе и, отыскав знакомое лицо, направился к нему:

— Здорово, Семеныч, как? — пожал он руку мужчине за пятьдесят, школьному учителю химии и по совместительству — отличному плотнику, с неделю назад потерявшему

постоянную подработку в мебельном. Они и до этого часто калымили вместе, а теперь вообще едва ли не ежедневно немолодому уже Семенычу приходилось работать наравне с полными сил парнями.

— Кверху каком, Лех. Сегодня одни выгрузки ящиков с завода, а у меня спина уже не та. Снаряды да патроны, знаешь ли, штука нелегкая. Часов до десяти подожду, да пойду в гараж, я там материала надыбал намедни, сколочу несколько лавок, да табуреток, сдам Армяну, с тыщенку считай заработаю.

— Грабительская приемка какая-то, — нахмурился Леха.

— А где ты щас другую видел?

Помолчали. Стояли, переминаясь с ноги на ногу и зябко ёжились — влажность и раннее утро все таки давали о себе знать. Прошло полчаса, а нанимателей что-то видно не было. Настроение у Лёхи потихоньку портилось, потому что калымить за три сотни где попало вообще не хотелось, а после десяти здесь действительно сложновато было получить работу, потому что все разбирали ранние пташки. Из-за угла соседнего здания вывернули два парня в черной военной форме, засвистели и замахали руками, толпа оживилась.

— Эгегей, работяги! — заорал издалека тот, что был повыше.

— Да ты глянь! Никак Славка с Петькой? — удивленно поднял брови Семеныч и прищурился.

— Они, — кивнул парень и махнул в ответ.

— Ну все, заебали ваши калымы, — подойдя ближе сказал Петр, тот что был пониже ростом и покоренастее. — И жить впроголодь насточертело, во, — он провел ребром по горлу.

— А убьют? — всплеснул руками Семеныч.

— А значит судьба такая, — махнул в ответ долговязый Славка. — Хоть семье выплату назначат.

— А долго мурыжат там? — послышался голос из толпы.

— Да вчера день, медкомиссия, сегодня уже в учебку, три секунды, — ухмыльнулся Слава.

От толпы отделилось человек пять и направились в ту сторону, откуда недавно пришли два молодца в форме. Параллельно через две улицы в том направлении находился их районный военкомат и пункт сбора новобранцев по совмести-

тельству. Видимо, как и все мужское население страны, мыкающееся по калымам, эти долго думали по поводу подписания контракта и вот, наконец, решились — очередные ушедшие "туда" знакомые парни стали отправной точкой, последней каплей.

— Работяги! На выгрузку снарядов кто пойдёт? Шестеро!

Леха хлопнул по плечу Семеныча и заспешил в сторону микроавтобуса, от которого слышался окрик. Подбежал и, активно работая локтями, пробрался ближе к созывающему. Повезло, что развернули нескольких алкашей и на их фоне молодой парень, пробившийся вперед, показался не таким уж и плохим вариантом. Его взяли. Он был рад, ведь смены на заводе, пусть и фрилансерами, как называли заводчане тех, кто не работает там официально, оплачивались всегда очень хорошо, хоть и работа там была адская.

Сел в микроавтобус, надел наушники, уже хрипящие на басах, но все еще исправно выдающие спасительную музыку, и прикрыл глаза. До завода полтора часа пути, можно и подремать. Казалось, что он только прикрыл глаза, как его пихнули в плечо — приехали. К Лехиному глубокому сожалению, доехали без задержек, а потому уже через два часа они, разбившись попарно, хватались за тяжеленные ящики с двух сторон и пёрли их к железнодорожному составу. Им нужно

было плотно составить ящики в вагоны, строго до красной отметины, а затем закрыть откинутый двухметровый борт и дать отмашку машинисту, чтобы тот протронул состав вперед, подтянув к дебаркадеру следующий пустой вагон. Вообще эта процедура обычно проводится моторизированным погрузчиком или железнодорожным краном, но, видать, то ли они неисправны, то ли слишком много отгружено в смену, настолько, что пришлось нанимать грузчиков со стороны.

Монотонный труд с одиннадцати до трех часов дня, после — час плотного обеда за счет завода, в заводской же столовке. Это еще одна причина, почему попасть в смену "фрилансеров" рвались все без исключения —

заводской паёк. Впихнуть в непривыкшие к таким объемам пищи желудки столько сытной жратвы просто невозможно, в забрать часть порции в пакетике домой не возбранялось. Поэтому густой пшенный суп на тушенке оказался в Лёхе, как и компот, и половина из четырех кусков хлеба. А вот три немаленькие котлеты, большая тарелка вареной гречки и вторая половина хлебной порции отправились в пакетик. Парень покрепче его завязал, засунул во второй, в третий, чтобы он точно случайно не лопнул и ничего не рассыпалось. В карман перекочевали четыре пластиковые шайбочки со сливочным маслом по пятнадцать грамм. Кайф! А с четырёх часов вечера почти до полуночи занимались тем же — ящик-вагон, ящик-вагон. После плотного обеда все стали

вялые, неловко хватались за ящики, набитые ручками мозоли щипало, но через часок расходились, и дело пошло бодрее.

По окончании смены все выстроились за положенной оплатой. Заработанное выдавали два молодчика: один отсчитывал немалое количество купюр, а второй стоял у штабеля больших коробок, из которых доставал коробчонки поменьше — третью причину, по которой "сфрилансить смену" считалось большой удачей. Это были заводские суточные семейные пайки. Семь килограммов всякого разного от галет, консервированных блюд, всяких ништяков типа повидла или кусочка шоколада до маленьких кусочков мыла, микротюбиков зубной пасты, салфеток и много чего еще. А самое главное и дорогое — целая пачка сигарет без фильтра. Дождавшись своей очереди, Лёха сначала забрал деньги — две с половиной тыщи рублей! А затем и коробку с пайком, которого им с матерью хватит дня на три!

Уставший народ, шаркая натруженными ногами, возвращался к микроавтобусу. У Лехи гудели руки, ноги, поясница, болели набитые ладони, но он был крайне доволен — в кармане шуршали купюры, под мышкой заветная коробка, благодаря которой даже в магазин идти не нужно будет. За эти деньги он обычно работал три, а то и четыре дня. А с учетом пайка и экономии на еде — считай за целую неделю

вперед сегодня отпахал. Не терпелось добраться до дома и обрадовать мать вкусным ужином. Пополнить копилку тоже было бы не лишним, давным давно уже туда не добавлялось нормальных сумм.

Его высадили на том же месте, где и забрали утром — у Цирка, а потому придется еще около получаса топать домой пешком. По пути как раз забежит в магазин за чем-нибудь вкусным и праздничным — порадовать мать, а там и ужин... Хороший вечер. Завтра даже можно поспать подольше и поработать в столярке за пятихатку, там легко, считай выходной. Да и заводская пачка сигарет должна выгодно разойтись поштучно.

В продуктовом на кассе вновь увидел Вику, улыбнулись, пообщались и парень пошел домой, крепко удерживая плотно набитый пакет. Уже давно позабытое чувство, что закупился на полную и про запас: крупы, сушеная зелень в брикетах, несколько килограмм костей, сахар, соль и специи. А в кармане лежала мамина любимая шоколадка. Пятьдесят грамм радости. Да и помимо всего этого было куплено немало нужного впрок, а в кармане еще оставалась почти тысяча.

Дома сегодня был настоящий праздник. Мама радостно щебетала и, казалось, даже больные суставы не мешали ей помогать сыну с хлопотами на кухне. Лёха улыбался. Неча-

сто такая благостная атмосфера царила в их старой квартирке. Заводскую коробку оставили на чёрный день, парень приготовил овощное рагу, к которому отлично подошла порция заводской гречки и котлеты. А под конец, уже, можно сказать, ночью, после плотного, вкуснейшего ужина, пили сладкий чай с шоколадом, слушая льющуюся из уставших динамиков радиоприемника музыку, которая иногда перемежалась с помехами.

Коммуникатор коротко провибрировал, на экране светилось сообщение: "Работа". Отправителем был его старый друг, Аким.

— Хорошо-о, — протянул Лёха. — Мне сегодня в ночную, ма.

— Ты ж только с работы, куда? — удивленно подняла брови сидящая напротив женщина.

— Пока есть возможность, лучше подработать. Не первый раз.

Это действительно было так, иногда Леха выбирался на ночные, в кавычках, смены. Как правило это было не совсем легально и не очень безопасно, но платили хорошо, потому отказываться резона не было — иначе можно было просто

не нагрести на лекарства к следующему месяцу.

Аким — узкоглазый непробиваемый парень на голову ниже Лехи, под метр шестьдесят, регулярно подкидывал ночную работу по дружбе. Они были не разлей вода еще с младшей школы, однако Лёха больше предпочитал честный труд, хоть и низкооплачиваемый, а вот Акима все плотнее втягивало в криминал. Напарником Алексей был хорошим и надежным, а потому на особо важные дела друг подтягивал именно его.

Неспешно выпив еще кружку сладкого чая, парень потянулся и пошел одеваться, дабы не добираться впопыхах решил выйти пораньше. Накинув черную плотную куртку, воровато оглянувшись, он вытащил из-под плинтуса за обувной лавкой телескопичку и вернул элемент декора на место вместе с мебелью, сунул инструмент в нашитый в широком рукаве узкий карман. Встав одной необутой ногой на табурет, легко разогнул ее, дотянулся почти до потолка, глядя в сторону кухни, где шелестела вода и гремела посудой мать. В узком пространстве между потолком и гардеробным шкафом нащупал кастет. Сунул его в карман, застегнул. Начал обуваться, крикнул маме, что уходит, подхватил полупустой рюкзак и, громко бухая подкованными берцами с плотными тяжелыми носами, спустился по лестнице.

Заскочил в магазин и купил дорогущий энергетический напиток, почти триста рублей, но без него после тяжелой разгрузки снарядов было никак. Одна банка действительно помогала продержаться ночь, добавляя в кровь ударное количество кофеина и таурина, что для непривыкшего организма было взрывным стимулом.

— Ночная? — спросила неизменная кассирша Вика, наградив парня взглядом с изрядной долей соболезнования.

— Да, подвернулась хорошая смена, нельзя упускать, — улыбнулся Алексей.

— Загонишь себя, — укорила его девушка.

Леха отмахнулся. Расплатился, вышел из магазина и направился на сегодняшнее место сбора, закинув банку в рюкзак, который постоянно таскал с собой. "Сегодняшнее" — это потому, что мест было пятнадцать и выбирались они негласно по заранее оговоренной схеме, зависящей от чётности и дня недели. Сегодня это был этаж — обустроенная комнатка без окон в давно заброшенном, но все еще охраняемом здании на окраине города. Парни знали место, где можно было пролезть на территорию без палева. Собственно, этот лаз они сами и организовали и замаскировали, потому кроме них никто о нем не знал.

Пешком до места топать чуть больше пары часов, однако Леха уже давно привык к такому способу передвижения, потому что велосипед собрать не доходили руки и карманы, а общественный транспорт ходил отвратительно и дорого, да и идти на работу и с работы парню приходилось в то время, когда транспорт или еще не ходит, или уже не ходит.

Когда Леха добрался до места, пролез на территорию и, поднявшись на последний этаж, занял свое место в небольшой каморке квадратов на десять, внутри еще никого не было, а на экране коммуникатора светились цифры 01:17. До времени, в которое обычно собирались те, кто идет на дело, оставалось еще больше сорока минут. С характерным звуком вскрыл банку. Кислый вкус энергетика тут же пробудил нестерпимое желание закурить, но пришлось загасить этот порыв, сигареты давным-давно стали едва ли не предметом роскоши, потому начинать снова было неразумно. Залпом осушив банку, парень передернулся и скривился.

— Гадость, — пробурчал он и приладил банку к двери, облокотив на ручку и дверной косяк. Ручка давно не выполняла своих функций, однако при движении двери банка точно упадёт и оповестит парня о гостях.

Леха с чистой совестью упал на один из трёх топчанов,

стоящих вдоль стенок каморки. В целом, больше внутри ничего и не было, кроме пары табуреток. Полчаса отдыха помогут организму немного восстановиться, да и эффект от энергетика при таком раскладе получится качественнее. Поёрзал на жесткой поверхности, приладил голову к стенке на рюкзак, чтобы смотреть на вход и моментально погрузился в настороженную полудрёму.

Глава 3.

Казалось, что он не подремал, а просто моргнул, звук упавшей банки раздался будто сразу после того, как он прикрыл глаза. Усталость и постоянный недосып все таки делали свое дело, сколько у него уже не было выходных? Кажется, два месяца. Или больше... Леха еще не разобрался, кто перед ним, а к дребезжащему звуку падения жестянки о бетон добавился легкий щелчок телескопической дубинки.

— Тише, параноик, — раздался голос Акима. — Мы заходим. Проснулся?

— М.. Да, — хрипловато произнес он в ответ.

— А то не хотелось бы отовариться ни за хуй собачий, — уже в помещении сказал друг. — Ты молодец, предусмотрительно придумал. Это Горец и Белаз. Пацаны, это Леха, я

рассказывал.

Помимо Акима внутрь каморки зашел кавказец лет до двадцати пяти, почти одинакового с ним роста и огромный бугай, едва протиснувшийся в дверной проем, пригнувшись и полубоком. В этой горилле было точно метра за два, а в плечах пару-тройку Акимов. Из-за этого внутри стало сразу тесновато.

Кивнули друг другу. Все расположились на топчанах и тихо, в полголоса заговорили. Начал Аким:

— Короче, пацаны, я собрал тут моих самых доверенных людей. Понимаю, вы не знакомы. Но друг к другу чтоб доверие, как ко мне было, иначе все коту под хвост улетит. Тема такая — есть инфа о мелком коммерсе, который каким-то хером затащил контрабанду и сховал товар в подвале гаража. Наше дело — зайти, затариться, выйти. Навар двадцать процентов от того, что вытащим, остальное оставляем в условленном месте заказчику.

— Что за товар? — прогудел Белаз, его бас даже в полголоса, казалось, разносился аж до будки ЧОПа.

— Сигареты.

Горец довольно потер руки, Белаз ухнул, а Леха поднял бровь.

— Сигами не надорвешься, но на горбу много мы не вытащим, — проговорил он. — Две ходки делать — удваивать риски. Перегружаться та же херня, в случае чего не съебемся вовремя. Сиги легкие, но объемы — сами понимаете.

— А тебя ебет чужое горе, Лёх? Гешефт наварим, с объемами пусть заказчик себе голову ебет. Напомни, сколько щас поштучно сижка стоит?

— Хз, в районе рублей двадцати папироса была, с фильтром, наверно, дороже, ток кому они нужны щас с фильтром, только добро переводить.

— Во-от, ты ж с башкой дружишь, с блока прикинь навар. А с двух? Ты че, десять блоков не унесешь что ли?

— Тыщ по пять-семь на рыло... Но сразу продавать нельзя, запалят. Отлежаться надо будет сигам два-три месяца.

— Брат, объясни, а нахера мы им нужны тогда? — с легким акцентом спросил Горец. — Если такой навар, так подтянули бы своих, в натуре, и делиться бы не пришлось.

— А вот тут сложности и начинаются, — проговорил Аким, развязывая горловину рюкзака.

Он достал на свет четыре кобуры, в которых блестели стертыми гранями пистолеты Макарова.

На минуту в комнате повисла тишина, а после Горец спрыгнул с топчана и проговорил:

— На мокруху я не подписывался, Аким. Ты меня знаешь, о деле инфа не просочится. Но я в нем не участвую.

— Кооператив очень хорошо охраняется, — будто не услышал, продолжил говорить Аким. — Освещен тоже будь здоров. У нас два варианта — просрать шанс или думать, как провернуть дело без крови. А это, — он потряс оружием. — для подстраховки. Припугнуть, пальнуть поверх голов, короче остудить пыл особо ретивых хранителей хабара.

На табуретку легла схема кооператива. Указывая на заранее сделанные пометки, Аким начал объяснять:

— Вот тут и тут два электрощита. Если хотя бы один повредить, свет отрубят. Пока запустят дизель, пока согласуют, пока туда-сюда, успеем пробраться вот до этого тупика, задача для Лехи, — тонкий, будто от пианиста, палец прошел-

ся по карте. — А вот тут резервный генератор, его надо либо жечь, либо закоротить. Это на тебе, Горец. Ну и ворота с люком в подвал будешь ломать ты, Белаз. Я в начале отвлеку охрану, а как свет отрубит — по обстановке двину. По товару — вопрос не в весе, а в объеме. Блоки распечатываем, укладываем пачки максимально плотно в рюкзаки и валим, что помнется, что нет, срать. Нужно как можно большее количество запихать в как можно меньший объём, желательно без полной потери товарного вида. Ну, Горец, ты решил?

Кавказец подумал и кивнул:

— С вами я, кто последит за толпой дураков. Но валыну в руки не возьму.

— Хозяин барин. Все, собираемся, двигаем!

К трем часам после полуночи они уже стояли на открытой площадке между лестничными пролетами одной из многоэтажек, развернутой как раз в сторону искомого кооператива. Охранялся он действительно серьезно, такое время, сейчас оставь машину во дворе — к утру от нее останется только голый кузов. Но все же гаражный кооператив — это не армейская часть, потому дыр и слепых зон было более чем достаточно для того, что задумали парни.

Спустившись вниз, они разбежались по оговоренным точкам, запустив групповой звонок на коммуникаторах. Как только из устройства послышался голос Акима, началась работа.

Аким, по пути залив в рот грамм пятьдесят сивухи, прополоскав и выплюнув, шатаясь, подошел к шлагбауму, держа в руке полупустую чекушку.

— Мужики! Ик... А че, это самое... мне куда? — пьяным голосом заговорил Аким.

— Ну-ка, пьянь, разворачивайся и вали нахрен! — послышалось из открывшегося окошка сторожевой будки.

— Да че вы... Ик... давайте это, где я тут... показывайте и я пошел домой!

— Че показывать? — вышел угрюмый мужик из будки. — Тронулся что ли, вали тебе сказано!

— Да хуль ты с ним базаришь, съезди по хлебалу, раз слова не понимает! — раздался с другой стороны голос второго ЧОПовца, который, видимо, как раз возвращался с обхода.

— Да я... Ик, бля... пришел с вами лясы точить что ли?

Показывайте работу, я от.. Кху! Шаметова! — не сдавался Аким.

— Хуетова! Хер бы он с такими, как ты, работать стал! Ну щас, падла, дождался ты...

Первый мужик направился в сторону Акима, тот, растерявшись от такой скоротечности конфликта, попятился, как вдруг свет во всем кооперативе замигал и погас. Тут же стало заметно зарево от разгорающегося огня, а Аким бросил бутылку и рванулся в сторону.

Яркнув в кусты, скрылся от растерявшихся охранников, начал обходить постройки, разыскивая заранее присмотренную дыру.

Пока Аким огибал кооператив по дуге, пока нырнул в дыру под забором, просидел, ожидая, когда свалит рыскавший с фонариком охранник, пока добежал до нужного номера гаража, Белаз уже успел вскрыть замок, который оказался хлипковатым для помещения с таким ценным товаром. Люк вообще не пришлось ломать — он был не заперт. Парни не включали свет до тех пор, пока не спустились, чтобы не спалиться, а когда уже оказались в подвале, включив фонарики на коммуникаторах, осветили помещение, дыхание перехватило. Сотни и сотни красных блоков с сигаретами были на-

валены неаккуратными кучами.

Рванулись вперед, как по команде, на ходу раскрывая рюкзаки. Торопливо вскрывая блоки, плотными рядами, чуть сжимая пачки, укладывали богатство. Пачки выпадали из рук, перекашивались, парни тихо матерились, но споро забивали все отделения хабаром. На всё про всё ушло минут десять и грабители, накинув плотно набитые и оттого сильно раздутые рюкзаки, кинулись к выходу.

Леха вылез первым, поправил лямки и... Получил жесткий удар в печень, а затем твердый мысок сапога впечатался в ухо. Мир перевернулся, с правой стороны оглушительно зазвенело, а Леха шарил потерянным взглядом по гаражу, но не успел среагировать на движение тени и поймал сапог животом. Кишки скрутило, воздух не хотел наполнять легкие, и парень от души проблевался. Словно вытащенная из воды рыба, захватал воздух ртом, пытаясь унять жжение внутри и заполнить легкие хоть каплей кислорода.

— Нехорошо у больших дядь воровать, парень, нехорошо... — лениво проговорил кто-то сиплым голосом и отошел на пару шагов. Леха успел лишь закрыть голову руками, а незнакомец уже с разгона впечатывал ботинок в прикрытое место, явно целясь в висок. Удар. Звенело теперь в "обоих ухах", как сказала бы старая кашолка из мультика.

Пацаны благоразумно не лезли, затихарившись внизу. Хозяин гаража явно подумал, что грабитель один, а Леха пополз, стараясь сместиться так, чтобы спаливший их мужик оказался спиной к люку.

— Ты куда, маленький? Не уползешь, родной, не уползешь... Ты за это отрабатывать еще долго будешь, всеми своими запретными местами, сучонок.

Есть. Мудак решил поиграться. Схватил Леху за щеку, потянул, поворачивая голову так, чтобы оказаться лицом к лицу. Парень, до этого изображавший обессиленного, резко кивнул и вгрызся в слетевшую с лица руку, прямо между большим и указательным пальцем. Хозяин завизжал. Послышался щелчок затвора, холодная сталь вжалась Лехе в голову. Приехали...

Выстрел в помещении прозвучал, словно из пушки, добавив головной боли парню. Тело, стоящее напротив, прогнулось в пояснице, захрипело и упало на пол, засучив ногами, прижимая руки к дыре в животе. Сквозное. Из лаза стали появляться товарищи. Лехе помогли подняться, Белаз стащил с него рюкзак, Горец с Акимом подхватили и почти потащили на выход. Через минуту парень немного расходился и смог кое-как управляться без помощи. Казалось, что вот-вот их

настигнут сотрудники ЧОПа, но огненное зарево над генераторной давало надежду, что сейчас охране не до них. Так и случилось, выбраться смогли без приключений, Лёхе вернули рюкзак и все рванули в разные стороны. Договорились встретиться через пару дней на условленном месте и скинуть там долю заказчика. Поговорить о том, что они натворили и во что вляпались, времени не было, но одно понимал каждый — это дело без последствий не обойдется.

Твою-то, сука, мать. Парень хромал в другую сторону от дома — решил заложить крюк на всякий случай. Убийство... Они попали на мокруху, блять, что ж теперь делать?! С другой стороны, не выстрели Аким первым — был бы жив сейчас Лёха? Хрен знает, но в том, что теперь нужно залечь и долго не отсвечивать, сомневаться не приходилось. А как теперь мать? Если их поймают и расколят, то помочь ей будет некому.

— Бля, если обойдется все, хренушки я еще с тобой на дело полезу, Аким, лучше всю жизнь по калымам херачить, чем вот так разом все проебать, — зашипел себе под нос парень и захромал дальше.

Путь предстоял неблизкий, даже не учитывая крюк, а в таком темпе придется еще долго помучиться — ливер парню перемешали качественно. Ну ничего... И не такие метели,

как говорится...

Глава 4.

К утру парень доковылял до дома, спрятав рюкзак в надежном месте — в тепловых коммуникациях за лесопарком. Тихо разулся, скинул куртку и отправился спать. Сон — лучшее лекарство, а отхватил он сегодня — дай бог каждому.

В объятия Морфея Лёха провалился быстро, хотя объятия эти были больше похожи на горячечный бред. Друг за другом сменялись картины, то укоризненно качающий головой труп, держащийся за простреленное брюхо, то Аким, рука которого с пистолетом высунулась из проема погреба и нажала на спуск, еще какие-то красочные бессмысленные образы, он куда-то полз, бежал, вокруг все было в крови, во рту стоял медный вкус, а потом... А потом его разбудил настойчивый рингтон коммуникатора. Приподнявшись на локте, парень протянул руку за вибрирующем на подоконнике устройством, поморщился от боли и нажал зеленую иконку:

— Слушаю, — сонно пробубнил он.

— Надо встретиться, — сухо сказал Аким. — По старой схеме.

И сбросил вызов. Леха тяжело вздохнул, поднялся с кряхтением — удары по ливеру не остались без последствий — и направился в ванную. Голова кружилась, поэтому он шаркал ногами по полу, стараясь приспособиться и держать равновесие. Закрывшись в ванной, от души проблевался в унитаз и встал, опершись на раковину. Посмотрел в зеркало. В отражении он увидел, что правое ухо раздулось и покраснело, как, впрочем, и половина лица. Почистил зубы, морщась от боли — стоять в полусогнутом положении тоже было тяжело. Сплюнул, захлюпал водой из под крана, пытаясь унять разыгравшуюся жажду.

Посгибался в стороны, помахал руками, вышел из ванной. Мать спала, а потому он тихо прошел мимо, переоделся в гардеробной. Оценив состояние куртки, одел позавчерашний худос и, кинув грязные шмотки в корзину, пошел в подъезд, пытаясь вспомнить, какое место встречи должно быть сегодня. По всему выходило, что идти ему в давно заброшенный бомбарь.

Давно еще они с парнями наткнулись на него совершенно случайно, когда лазили за бетонным забором по разросшемуся кустарнику, пытаясь найти "посылку", уж с пару лет тому назад. Это было небольшое убежище человек на пятьдесят, не особо заглубленное, всего на три пролёта, в котором не осталось ничего полезного — скрутили и вынесли от-

туда все до последнего винтика еще, наверное, до их рождения. Но, на удивление, там было сухо, а потому несколько дней ударного труда — и помещение стало чистым, обзавелось старыми раскладушками, какими-то ящиками и стало практически жилым.

Находилось оно недалеко от дома Лехи и его несказанно обрадовало, что на сегодня выпадало местом сбора именно оно, потому что пару часов пути в одну сторону он бы вряд ли осилил в теперешнем состоянии. Дошаркал до нужного места минут за тридцать и посмотрел на новое препятствие. Вздохнул.

Перемахнуть забор, что еще вчера бы получилось сделать в одно движение, сегодня вышло лишь с третьего раза и с десятого матюка. Прохромав по ступеням бетонной лестницы, оглашая бомбарь эхом шуршания, Леха прошел в главный зал. Три раскладухи, ящик, горящая керосинка на нем, тишина и пустота. Из проема маленького склада выглянул Горец и выдохнул:

— Баля, ты не пугай так, в натуре. Это свои, пацаны, выходим.

Леха ошарашенно смотрел на вчерашнюю кампанию, выходящую с напряженными мордами и пистолетами в руках.

Он тяжело опустился на ящик. Кивнул другу, сказал:

— Ну, рассказывай, Аким.

— Короче... — тот почесал щеку, растер лицо, видать, хреново спалось после вчерашнего. — Тот коммерс, как оказалось, только начал работать на одного крупного дядю, а потому за него еще не были в курсе. И вчера, получается, мы завалили уже не лоха, а довольно важного человека из окружения этого дяди.

— Пиздец, — проговорил Леха, растирая лицо ладонями, невольно повторяя жест друга.

Горец вскинулся:

— Мы завалили? Мы завалили, Аким? Это ты его потушил, ясно? Я за твой косяк мазу тянуть не собираюсь, балять!

— А мне надо было дать Леху завалить, так ты мыслишь? — повысил голос и Аким.

— Заткнулись все, — тихо сказал Леха и в помещении повисла тишина. — Какие варианты?

— Съебаться. Куда-то подальше и залечь месяца на три-четыре хотя бы. Либо платить, но мы всей шоблой столько не заработаем.

— Какие планы?

— Пока не знаю. Надо думать.

Думали до самого вечера. Перебрали кучу вариантов и с северными вахтами, и с шахтовым подрядом, в итоге решив, что завтра каждый отпишется о решении. Леха шел домой, едва переставляя ноги, вот вроде ничего особо не делал, а заебался почище, чем с заводской смены.

Он приближался к своему дому. С каждым шагом внутри разрасталось необъяснимое беспокойство, позже Леха понял почему — рядом с его подъездом стояла желтая машина с красным крестом и моргала синими маячками, освещая проблесками ночной двор, что было заметно даже из-за угла, но он просто не обратил на это внимания, а вот подсознание сразу же сложило два плюс два. Парень тут же перешел на бег, забыв о боли, взлетел на свою лестничную площадку на третий этаж и сердце его провалилось куда-то вниз, вместе с выпущенным из руки пакетом, из которого выкатились яблоки под ноги людям в синей медицинской форме. Парень хотел порадовать мать ее любимым сортом фруктов, но... Из

его квартиры выходили двое дюжих санитаров, крепко держащих носилки, на которых, тяжело дыша, лежала его мама. Бледное лицо, покрытое блестящими бисеринками пота, прерывистое, хриплое дыхание. Не говоря ни слова, парень присоединился, помогая тому, что находился со стороны головы и шел спиной вперед.

Погрузив женщину в машину реанимации, парень обернулся, а вышедший вслед за ними врач понял направленный на него взгляд и произнес:

— Сердце. Садитесь, времени не так много, — и кивнул в сторону машины.

Через час он уже сидел в палате рядом с койкой и держал за руку женщину, единственного дорогого человека в своей жизни. В голове эхом отдавались слова лечащего врача: "Нужна госпитализация. Возможно, длительная. Сейчас это стоит семь тысяч восемьсот девяносто два рубля за сутки".

Прекрасные времена бесплатной медицины прошли почти сразу же, как только появились твари, а за ними и Периметр. Каждая страна тратила не меньше шестидесяти процентов бюджета только на то, чтобы поддерживать боеспособность стен и Егерей, без которых они были бы бесполезным куском бетона. Как оказалось, примитивное сдержива-

ние — единственный рабочий вариант. Что только не предпринимали внадежде закупорить проходы: объемные вакуумные боеприпасы, отравляющие вещества, где-то в США даже термоядерной боеголовкой запускали точно в место прохода. Бестолку, даже задержать появление следующей волны не получилось.

А вскоре стало ясно, что выделяемого бюджета не хватает, и было принято решение об отмене пенсий — пожилые люди теперь оставались на попечительстве своих детей, если им повезло таковых заиметь. Затем материнский капитал, все льготы и дотации — за первый год была упразднена практически полностью система социальной помощи гражданам, а все освободившиеся средства применялись для повышения обороноспособности каждого Периметра. Но, справедливости ради, стоит упомянуть, что зарплаты чиновников и госслужащих на высоких постах тоже упали на едва ли не на три четверти, а так же был введен прогрессивный налог на роскошь. Все это с казнями или ссылкой на передовую как мелких взяточников, так и крупных коррупционеров. Народных волнений не было. После Уральской мясорубки люди были готовы на любые лишения, лишь бы этого не повторилось.

Мама спала. Парень, ссутулившийся, опустивший плечи, не моргая смотрел перед собой, на зажатый в руке мятый глянцевый листок бумаги, который ему тогда дал подросток,

раздающий листовки, и который так и лежал у него в кармане худи все это время.

"Помоги семье — встань добровольцем в строй Егерей, дай бой тварям из Пекла!"

А ниже — мелким шрифтом написаны баснословные суммы в месяц оклада, боевые, единовременные выплаты и прочие преимущества, открывающиеся для решившегося.

Парень отдал все имеющиеся у них и без того скудные накопления, собранные в течении нескольких лет путем аскетичного образа жизни и полного отказа от любого излишества, от всего, что не было жизненно необходимо, за вызов скорой помощи и первые трое суток госпитализации. В кармане осталось несколько мелких купюр и звонко бряцнувшие монеты.

Скрипнула дверь главного входа больницы, ведущая на улицу, парень медленно, шаркая ногами, прошел к ларьку, расположившемуся неподалеку и протянул в окошко купюру.

— Папиросу, пожалуйста, — сказал он и не узнал своего голоса. Взял протянутую пролавцом папиросу, кивнул в знак благодарности.

Да, такую роскошь, как пачка папирос, а уж тем более — сигарет с фильтром, теперь позволить себе могли только

очень состоятельные люди, поэтому уже очень давно практически везде табачные изделия продавались поштучно. Можно было купить даже рассыпуху или щепоть махорки на одну самокрутку. А заводская пачка, как назло, осталась дома, пришлось тратить последние копейки на эту дрянь.

Полтора года уже он не курил. Однако обстоятельства и решение несущих этими самыми обстоятельствами проблем, назревшее у него в голове, окончательно сорвало и так еле держащегося парня. Вопреки всем книжкам, разговорам и опыту бросивших товарищей, за восемнадцать месяцев он ни на минуту не переставал желать затяжки горького дыма. Доходило до смешного — он всегда вставал рядом с курящим человеком и утыкался в коммуникатор, делая вид, что с кем-то переписывается или листает новости, лишь бы подышать отравленным воздухом. Ну, теперь-то можно.

Юноша отошел в сторонку, сел на бетонный блок, достал зажигалку — подарок брата — чиркнул, и темный фитиль, пропитанный вонючим бензином, загорелся неровным пламенем. Поглазев на него несколько секунд, парень смял мундштук папиросы, поднес другой конец к пламени и затянулся. Табак затрещал, заставляя огонек на конце папиросы засиять ровным оранжевым цветом, а дым обжег горло и легкие. Откинув голову назад, Лёха сжал в кулаке висящий на шее изломанный жетон.

После пары глубоких затяжек голова закружилась, в ушах зашумело, а думать стало гораздо легче. Нет, а какие варианты? На своих шабашках не получалось не то, что семь тысяч в сутки заработать, редко когда выходила тысяча, обычно работяги довольствовались пятихаткой на брата и скудным пайком. А цены... Банка тушенки из жил, хрящей и жира или килограмм мяса не лучшего качества стоили не меньше шести сотен. Довольствовались вечной картошкой, костями, брикетами прессованного укропа и пшеном с перловкой, нередко питались голубятиной. Уже почти год, как решили с матерью перебираться в деревню — работы там не меньше, а жить всё ж посытнее будет, уже и скопили почти денег на первый засев овощей, однако, вот... Не получилось. Уйти в криминал? Сейчас вообще не ясно, что ждет их шайку, доигрались, бля. Какие грядут проблемы с тем авторитетом? Он-то абсолютно точно вскоре упадет им на хвост...

Был и другой вариант. Парень вновь взглянул на листовку, и прикусил нижнюю губу. Чтобы избавить семью от своего долга, который был взят на развитие "бизнеса" у местного криминала, на Периметр семь лет назад ушел его брат, Игорь. Через полтора месяца домой пришла похоронка с его жетоном и коробочкой с наградой — медным крестом. Тело даже по частям прислать не смогли, хоронили пустой гроб. Мама, кажется, до сих пор надеялась, что это какая-то ошиб-

ка и старший сын вернется, но увы... Однако долг отдать он успел, с процентами, от семьи отстали, но все обязанности по обеспечению жены и болеющей матери свалились на него, тогда шестнадцатилетнего парня. Семь лет... Казалось, прошла уже вечность. В праве ли он обрекать мать на ожидание похоронки с именем второго, последнего ее сына? Но и просто дать ей сгореть он тоже не мог... Вот же... А мать всегда говорила, что они с братом шли по одной дорожке, настолько были похожи, несмотря на разницу в возрасте...

Докурив до мундштука, юноша бросил смятый картонный цилиндр в клумбу, встал, решительно отряхнул задницу и широким шагом направился в сторону дома. Идти пару часов, а на проезд, тоже, кстати, очень не дешевый — сто три рубля — у него уже не хватало. Все равно уснуть не получится. Воткнув старые, периодически хрипящие уже наушники, он ткнул на иконку плеера на экране коммуникатора и широкий, уверенный шаг принявшего решение человека сам подстроился под ритм музыки.

Интерлюдия 1.

Достаточно молодой военком Игорь Михайлович смотрел на крепкого парня в поношенной одежде, в глазах которого за решимостью скрывался даже не страх. Ужас и паника. Но Михалычу, как его называли подчиненные в глаза и за гла-

за, подходил этот юнец. А все потому, что страхи и переживания его были крепко задвинуты на второй план. Паренек сжимал в руке агитационную листовку, играл желваками на висках и скулах, и, казалось, не моргая, смотрел в глаза военкому.

Этот юнец ошивался у здания районного военкомата с самого утра, вместе с еще тремя оболдуями, один из которых был просто каких-то нереальных карикатурных размеров. Они не предоставили возможности Михалычу даже попить утренний кофе с сигаретой, что уже стало традицией, а его очень разочаровывало, если ритуал нарушался. После короткого разговора в кабинете, по спартански обставленном исключительно всем необходимым, повисла тишина, он думал.

Еще раз пробежавшись глазами по его личному делу на экране компьютера, кивнул. Таранов Алексей Григорьевич, двадцать два года, категория А1, здоров, как бык, психическое состояние в норме, всего одна административка, вот только... Что же настораживает? Военком перевел взгляд на сидевшего напротив Алексея Григорьевича. Тот упер взгляд в переносицу военкому. Внутренне содрогнувшись, так же внутренне махнув рукой, внешне спокойный Михалыч поклацал мышкой и старый принтер принялся изрыгать из себя напечатанные бланки.

Отголоски старой жизни, парень подходил абсолютно по всем параметрам, но был неприятен лично Михалычу. Прямой взгляд, темные круги под глазами, упрямо сжатые губы, рано проступившие морщины. В его юношестве такие парни, повидавшие жизнь в своем малом возрасте, его постоянно задирали, а нередко и били, что не могло не отразиться в будущем. Его, генеральского сына, которому была уготована карьера военного, защищающего их, хулиганов, жопы! Да, жили сытнее, да, единственный отличался лишним весом, но это же не повод задираться!

— Итак, Алексей Григорьевич, вот эти бланки требуют подписи для поступления в доблестные ряды новобранцев Егерей. Напоминаю, что после первой подписи пути назад у вас уже не будет и...

Резким движением, будто боясь передумать, сидящий напротив парень черканул в положенном месте, отложил листок и также поступил со следующим десятком бумажек.

— Когда будет поступление первой выплаты? — закончив с бюрократией, спросил Лёха.

— Эм... Я не... Ай, черт с ним. Через сутки после того, как документы примет командир Периметра, к которому вас припишут. Это быстро, сегодня пройдете комиссию

, уже завтра в это же время вы должны быть здесь с личными вещами, сборный пункт за зданием.

— Прошу перевести выплату за подписание контракта, а также половину оклада ежемесячно на счет третьей горбольницы. Вот заявление.

Щелкнув листом, чтобы тот проскользил поближе к военкому,

Алексей поднялся, скрежетнув стулом по паркету и, не прощаясь, прошел к выходу, не забыв прихватить копии бланков контракта, подготовленные для него.

Едва за первым посетителем захлопнулась дверь, Михалычу тут же стало легче дышать. На столе стояла чашка с еще дымящимся кофе, все произошло так быстро, что напиток даже не успел остыть. Он пошарил по столу, похлопал себя по карманам. Черт, неужели забыл пачку? Выдвинув нижний ящик стола, с кряхтением нагнулся и выудил новую из початого блока, зашуршал упаковкой. Ну и утречко... Дверь открылась, и в помещение заглянул невысокий парень с узким разрезом глаз. Прикрыв глаза, военком с раздражением медленно втянул воздух в легкие.

— Проходите.

Леха вышел из военкомата. Всё. Теперь пути назад нет. Достал из кармана пачку сигарет с фильтром, усмехнулся и подмигнул подельникам, стоявшим на крыльце, сунул в рот одну и прикурил, на ходу прощаясь и направляясь в сторону дома. Осталось собраться, пожрать, дойти до больнички, а потом домой — отдохнуть. Впереди нелегкий год.

Глава 5.

Все завертелось быстро. Комиссия в районной поликлинике была формальной, новобранцев практически и не осматривали, лишь проставляя галочки — у всех была первая категория годности. А уже на следующее утро Леха трясся в кунге наглухо тентованного Урала и морщился от боли в побитом теле вместе с тремя десятками таких же бедолаг, решившихся на контракт. Акима и пацанов распределили в другие машины, но это не беда — они договорились играть в незнакомцев до поры до времени, на всякий случай. Солнце, как назло, жарило сегодня так, что не осталось ни единого сухого клочка ткани на форме отбивших уже задницу на лавках новобранцев. Однако на грубых досках вдоль бортов расположились наиболее удачливые или наглые, немалая доля разновозрастных мужчин и парней стояли у задней стенки или сидели прямо на полу плотной кучей, потому что мест для всех не хватило. Когда загружались и из кунга раздалось возмущенное: "Да нет здесь уже места!", сержант ухмыль-

нулся и проговорил:

— Вместимость армейского Урала зависит только от размера сапога командира. Лезем, если надо будет, еще трижды столько же поместим!

— Да как трижды, тут уже расселись все!

— А вон мехводу скажу, пусть тронется, даст круг и тормознет в колы на этом же месте. Надо будет — повторим, так и утрамбуетесь. Разговорчики, еб вашу мать!

Сейчас он же сидел у заднего борта с крайне злющим выражением лица. А как иначе? В его обязанности входило париться в общей куче и не позволять ни на сантиметр откинуть плотно притянутый тент. Секретность, ебать колотить, никто не должен знать, где находится Периметр, за нарушение этого приказа наказывали самым строжайшим образом. Как будто во время боя расположение не выяснить, наверняка грохот и зарево заметно километров за сто.

В кунге не было веселых разговоров, смеха, подначек и даже тихого бормотания только познакомившихся пацанов и мужчин — уже больше двенадцати часов они подпрыгивали на ямах и ухабах, и если в первые пару часов было даже с какой-то стороны весело, то сейчас сил едва оставалось, что-

бы просто держаться в вертикальном положении. Один из новобранцев, молодой белобрысый парень, больше часа назад грохнулся в обморок и теперь куклой болтался на полу, то подпрыгивая, то катаясь из стороны в сторону, насколько это позволяло пространство. Попытавшихся ему помочь сержант обложил последними словами и больше к нему не подходили, остановить машину запретил командир, так что парням больше ничего не оставалось, как смотреть на бессознательное тело, надеясь, что оно не обделается и не обрыгается. Леха не выдержал, когда на очередном ухабе бессознательное тело подкатилось ближе — притянул бедолагу к себе, подложив одну ногу в берце ему под затылок, а вторую поставил на грудь. Так обморочный хотя бы башку себе не прошибет. Мельком глянул на смотревшего на все это сержанта, но тот, вопреки ожиданиям, не сказал ни слова, даже усмехнулся, кивнул и отвернулся. Наверное кивнул... с такой же вероятностью голова могла качнуться не из-за поступка Лехи, а из-за долбанного ухаба. Ну вот и ладушки, вот и хорошо...

Парень думал о брате. Когда-то и он, держась за боковой борт, борясь с головокружением, накатывающей тошнотой и страхом, ехал на таком же, а может и на этом самом Урале, тихо матерясь на особо глубоких ямах, считая секунды, приближающие их к долгожданной свободе.

Заскрипев тормозами, грузовик наконец остановился, а через минуту снаружи постучали по борту и начали развязывать тент.

— На выход, — скомандовал сержант и первым выпрыгнул за откинутый снаружи борт.

Толкаясь и переругиваясь, толпа рванула на выход. Парень не спешил. Еще через минуту Леха остался наедине с лежащим будущим сослуживцем и пхнул его ногой в бедро.

— Вставай, тело, приехали.

Поднялся сам, помог сесть боевому товарищу и, покряхтев, проковылял к выходу, перекинув его руку себе за шею. Нога безбожно затекла, чувствительность почти отсутствовала с середины голени. Знатно он ее отсидел, однако грех жаловаться — все таки не стоя ехал.

— Да ебаный в рот, примите его кто-нибудь! — крикнул он наружу, удерживая белобрысого, когда понял, что на помощь никто особо не спешит. Уралы — машины высокие, можно и шею свернуть, если особо удачно приземлиться.

Передав его на руки подоспевшим бойцам, Леха под взглядом офицера спрыгнул сам, проскользил в пыли и рух-

нул на жопу, так как затекшие ноги отказывались слушаться. Выругался, поднялся и поковылял к обочине.

— Молодец, боец, — тихо сказал ему сержант.

Алексей кивнул и распластался в невысокой траве, ощущая, как кажущийся ледяным после полусуточной бани ветер обдувает его тело. Как мало нужно для счастья... Вокруг попадала добрая сотня человек, вывалившихся из трех Уралов, они глубоко дышали, наслаждаясь свежим воздухом после вонючей душегубки. И правда казалось, что на улице прохладно, однако ощущение обманчивое — середина лета, так что температура воздуха была уж точно не меньше двадцати семи-тридцати градусов. Им выдали по полторашке воды, Леха жадно выхлебал больше половины теплой жидкости и, отдуваясь, смотрел в небо, лежа на обочине дороги.

— Привал час! Жрем, срем и двигаем дальше, полпути проехали.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.